

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛУЧАЕВ ОТСУТСТВИЯ
ПАДЕЖНЫХ МОРФЕМ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время в связи с разработкой советскими лингвистами проблемы морфологической структуры слова поставлен и решается вопрос о так называемых нулевых морфемах, в том числе и нулевых падежных аффиксах. Этот вопрос обсуждался, в частности, на ленинградской дискуссии 1960 г. по проблеме морфологической структуры слова [2]. В понимании же того, что такое, в частности, нулевой падежный аффикс и нулевая падежная форма, пока не существует единого мнения, так как сам факт возможного отсутствия падежного аффикса у имени интерпретируется по-разному. Одни лингвисты считают, что всякое отсутствие падежного аффикса в изменяемом имени на фоне всей парадигмы склонения должно рассматриваться как нулевой падежный аффикс. Так, О.П. Суник, анализируя морфологическую структуру турецкого слова «работа», находит нулевые морфемы именительного падежа и единственного числа [2, 45-48]. Другие полагают, что отсутствие материально выраженного падежного аффикса еще не является достаточным основанием для выделения особой нулевой падежной формы и должно подкрепляться наличием у неоформленного имени значения настолько конкретного, чтобы его (значение, — Л.Н.) можно было считать соотносимым со значением других падежей. Так, например, об этом говорит Н.А. Сыромятников [3, 276]. На этих же позициях, видимо, стоит и В.А. Аврорин: "Вообще-

то я не против применения термина «нулевая форма» и даже не стал бы возражать против связанных с ним терминов «нулевой аффикс» или «нулевое окончание», когда речь идет об условном обозначении таких случаев, в которых то или иное грамматическое значение выражено отсутствием формальной морфемы" [3, 211]. И по моему мнению, первая точка зрения не находит достаточного подтверждения даже в материале тех алтайских языков, при анализе которых она возникла.

Дело в том, что, хотя имя существительное без падежного аффикса во всех алтайских языках чаще всего является подлежащим, оно так же регулярно и закономерно может быть и другим членом предложения. В турецком языке, например, имя без падежного аффикса может быть в предложении подлежащим, прямым дополнением, обстоятельством времени, определением [1, 83-84].

Учитывая эти факты, пришлось бы говорить не только о нулевом именительном падеже, но и о нулевом винительном, нулевом родительном, нулевом местном и т.д. Не чем иным, как отражением этих фактов являются термины «неоформленный винительный», «неоформленный родительный», принятые, в частности, в монголистике.

Что касается корейского имени существительного, то оно отличается в области склонения от имен других алтайских языков (кроме японского) только тем, что в форме именительного падежа на его основу наращивается падежный аффикс *-и/-га* (*-и* — после основы с согласной финалью и *-га* — после основы с гласной финалью). Как и в других алтайских языках, имя без падежного аффикса может употребляться в предложении в функции различных падежей, в том числе и в функции именительного. Приведем примеры:

а) неоформленное имя — подлежащее: *Чонгэчжанъ-есэ нын кичта ттонанын сорн-га тыллинда* (ЛК, 66) 'Со станции доносится шум отходящего поезда' (букв. 'шум поезд отправляющийся'); *Чагынъ эмни ттодыннын сорн-е эди чал су-га иссэчжи* (ЛК, 54) 'Разве тут уснешь, когда маленькая мама шумит';

б) неоформленное имя — прямое дополнение: *пат мэдэн сарамдыр ын...* (ЛК, 35) '...люди, занимавшиеся прополкой суходольного поля' (букв. 'половшие суходольное поле'); *Ури конъчанъ кугъэнъхаго калкка* (ЛК, 78) 'Посмотрим нашу фабрику и пойдем, что ли?';

в) неоформленное имя — определение: *Кы-ый чиб ын паро сведыги чип ква иус-ийэтта* (ЛК, 39) 'Ее дом был как раз по соседству с домом Сведыги'; *эмэм, илккун наб ын эттэкте твейэссо* (ЛК, 53) 'Мать, как там с обедом [для] работников?'

Возможно также употребление имени без падежного аффикса в функции косвенного дополнения и различного рода обстоятельств [4, 169-173].

Таким образом, и факты корейского языка подтверждают, что какого-либо определенного (отличного от других падежных словоформ) значения или функции именная форма, не осложненная падежным аффиксом, не несет. Она может иметь различные синтаксические функции, как правило, те же, что и формы с падежным аффиксом. Поэтому вряд ли было бы логично считать, что она входит в парадигму падежного словоизменения как какая-то исходная форма, противопоставленная другим словоформам своим значением и функцией. И было бы совсем неверно называть ее формой основного падежа. (Я полностью разделяю точку зрения Н.А. Сыромятникова [3].) Видимо, целесообразнее квалифицировать ее как такую форму, которая стоит за пределами падежной парадигмы и, следовательно, не является падежной. Но в этом случае надо определить ее истинную синтаксическую нагрузку. Мне кажется, что дело обстоит следующим образом.

Падежные аффиксы в корейском языке, кроме указания на синтаксическую функцию имени, имеют еще и другое назначение. Они актуализируют предмет мысли, выраженный именем, а именно: закономерно появляясь после имен, обозначающих предметы, они указывают, что внимание говорящего сосредоточивается на этих предметах. Ср. два предло-

жения, взятых из диалога: *Пулссэ чэмсис-ыл чшэ=е* (ЛК, 59) 'Ты уже готовишь обед?' и *На чэмсим мэкко окке* (ЛК, 62) 'Я приду после обеда' (букв. 'съев обед'). Особенно хорошо видна эта функция падежных окончаний, когда они следуют после аффикса недостаточного инфинитива *-чи* в составе отрицательной формы предикатива. Так, недостаточный инфинитив в приведенном ниже примере принимает окончание винительного падежа *-рыл*, поскольку отрицание является категорическим: *Эдум сог-есэнын хыйн пхадэ-ча нэмсилкдринын тэхэ-га пхйэлчхйссыл ппун кы ве-е н амуэт то поичжи-рыл анатта* (ЧМ, 1955, № 5, 64) 'Во тьме простиралось только огромное море, покрытое белыми бурунами, и кроме этого ничего не было видно'.

Таким образом, падежной формой имени выражаются два синтаксических значения — синтаксическое отношение к другим словам и указание на актуализацию. В противоположность падежной непадежная форма нейтральна к обозначению синтаксического отношения. Синтаксическое отношение к другим словам выражается иными средствами: определенной синтаксической позицией непадежной формы и интонацией. Следовательно, оппозиция падежной и непадежной формы имени идет по линии наличия или отсутствия актуализации, а если так, то непадежная форма может считаться нулевой, но по совершенно другим основаниям, — подобно тому, как безусловно нулевой является форма единственного числа имени при материальном выражении в языке только множественного числа. Кстати сказать, при таком рассмотрении совершенно снимается проблема факультативности падежных аффиксов.

Л и т е р а т у р а

1. Кононов А.Н., Грамматика современного турецкого литературного языка, М.-Л., 1956.
2. Морфологическая структура слова в языках различных типов, М.-Л., 1963.
3. Морфологическая типология и проблемы классификации языков, М.-Л., 1965.

4. Чосэно мунпшюп, I, Эымрон, хйоньтхэрон, Пхйоньянь, 1960.

Условные сокращения

ЛК — Ли Гийонь, кохянь, Пхйоньянь, 1956.

ЧМ — журн. «Чосэи мунхак», Пхйоньянь.